

ПАТРИАРХ КИРИЛЛ: УЧЕНЫЙ

Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла после вручения ему диплома Почетного доктора НИЯУ «МИФИ».

— Уважаемый Михаил Николаевич, досточтимые члены Ученого совета, члены ученой корпорации, студенты! Я бы хотел обратиться со словами благодарности в адрес Ученого совета за высокую честь стать Почетным доктором прославленного научно-исследовательского и учебного центра России. И хотел бы вначале сказать несколько слов о высоком авторитете и огромном значении для страны, для нашей науки того места, где мы находимся.

Наука наша — великая и славная, результатами которой гордилась вся страна, — в 90-е годы прошла вместе со всем народом и со всей страной через глубочайший кризис. Конечно, велики потери. Но сегодня становится очевидным, что **никакого технологического развития страны, никакой модернизации не может быть без опоры на отечественные знания, на отечественную науку.**

Некая хитрость современной человеческой цивилизации заключается в том, что, посещая страны, вы видите примерно одно и то же. Имеет место унификация современной цивилизации: везде одни и те же машины, одна и та же архитектура; если речь идет о странах с материальным достатком, то везде практически одинаковый уровень комфорта, и трудно понять, за счет чего формируется достаток людей, что является его источником. Но за этим общим фасадом скрываются совершенно разные реальности. Одна страна зарабатывает деньги лишь потому, что торгует ресурсами; другая страна зарабатывает деньги потому, что умеет просто торговать чужими товарами и добавочная стоимость образуется за счет торговых операций; третья страна благополучно и разумно использует природные ресурсы, чтобы развивать туризм. Но ведь есть страны, которые свое благополучие формируют именно за счет развития науки, за счет собственных научных достижений. На научных достижениях, конечно, всего не построишь, но если страна производит качественный интеллектуальный продукт, то обмен этого продукта на другие ценности является делом, во-первых, справедливым, а во-вторых, очень полезным, потому что тот, кто производит интеллектуальный продукт, тот всегда впереди.

Самые современные здания и самые замечательные автомобили появились в Москве и в других городах России в период глубочайшего кризиса. Тогда мне и пришла в голову мысль, которую я сейчас попытаюсь сформулировать. Я спросил себя: «А вдруг получится так, что мы так и не встанем с колен, не станем мощной интеллектуальной державой и не будем у нас собственного интеллектуального продукта? Торгуя своими ресурсами, мы построим хорошие дороги, красивые дома, будем ездить в хороших импортных автомобилях, но не выработается ли у людей привыкание к этому интеллектуальному иждивенчеству?» Это может произойти очень просто, потому что комфорт вообще расслабляет человека: если все хорошо складывается, то становится безразлично, откуда приходят деньги.

Но Россия не может себе этого позволить, потому что Россия — один из центров современной человеческой цивилизации, самостоятельных центров, несущих в связи с этой самостоятельностью огромную ответственность за то, что происходит в мире. Кроме того, наша научная традиция, которая привела нашу страну к огромным достижениям в области науки и техники, не может прерваться. Учебное заведение и научный центр, в котором мы сейчас находимся, являются свидетельством жизнеспособности нашей науки. Именно с такими центрами и следует связывать реальное развитие и реаль-

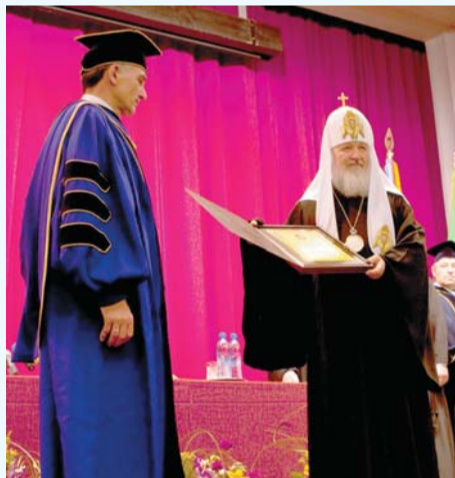
ную модернизацию страны — не псевдомодернизацию, которая за стеклянными, пластмассовыми и стальными фасадами скрывает внутреннюю слабость. Слабость всегда проявится, для этого не нужно вступать в прямое столкновение с другими странами; она проявится в неконкурентоспособности во всех областях — от науки до спорта.

А теперь позвольте мне высказаться на тему научного отношения к окружающему нас миру. Замечательные слова принадлежат Канту, приведу их по памяти. Великий философ говорил о том, что только две вещи могут вызывать восторг и преклонение — это звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. Две особенности нашей вселенной делают науку возможной, потому что сама вселенная и прекрасна, и упорядочена. Если бы не было гармонии бытия, не было бы науки. Если бы был хаос, то не было бы научного знания. Многие ученые, независимо от их отношения к вере, говорят о глубоком благоговении, которое вызывает у них мироздание. Приведу слова Эйнштейна: «Самое прекрасное, что мы можем пережить, — это чувство таинственного. Именно оно лежит в основании подлинного искусства и науки. Тот, кому это чувство чуждо, кто не может остановиться в изумлении и благоговении, — не лучше мертвеца, его глаза закрыты». **Красота вселенной, гармония бытия призывают нас к тому, чтобы мы познавали вселенную.**

Мне рассказывали об одной женщине, которая была самоучкой и любительно занималась астрономией. У себя дома она создала некое подобие телескопа, смотрела на звездное небо, и кто-то серьезно спросил ее: «А зачем вы все это делаете — и деньги тратите, и силы?» Ответ был удивительный: «Ведь вселенная так прекрасна». Эта женщина вкладывала свои незначительные ресурсы, чтобы увидеть красоту вселенной как можно ближе. Ученый, вооруженный соответствующими инструментами, механизмами, знаниями, пытается проникнуть вглубь этой красоты. Многих людей науки влечет именно завораживающая красота вселенной, цвет далеких галактик или поразительное устройство атома углерода, благодаря которому только и возможна органическая жизнь. Именно это переживание является главной движущей силой научного поиска, ведь практическое применение научных открытия подчас находят гораздо позже. По природе своей мы существа, ищущие познания; мы хотим понять, как устроено мироздание, как возникла вселенная, как рождаются и умирают звезды, и наука — одно из глубочайших проявлений нашей духовной природы.

И вот еще о чем я хотел бы сказать. **Научный поиск часто связан с подвигом — с подвигом всей жизни, аскетизмом, самоограничением.** В самом деле, это самоограничение начинается со студенческой скамьи. Все на дискотеку, а ты за учебник; все на прогулку, а ты в библиотеку. Конечно, бывает так, что и дискотека, и библиотека путаются, но ведь каждый знает, что если с молодости не воспитаешь в себе аскетического, жертвенного отношения к делу, которому хочешь посвятить жизнь, ничего не получится и талант растеряется. Только огромный труд и самоограничение выводят человека на уровень, превышающий уровень других людей, только самоограничение и аскетизм, полная посвященность делу выводят человека на самые передовые рубежи, в том числе рубежи науки.

А что же движет людьми? Почему они готовы отказываться от многого, чтобы достичь цели? Эту готовность невозможно описать в категориях примитивного карьеризма. Речь идет не о карьеризме, **речь идет о победе**

- 4 марта. Актный зал. Мифисты приветствуют Патриарха.
- Почетный караул у знамен — нашего университета и патриаршего.
- Вручение диплома Почетного доктора МИФИ и мантии Святейшему Патриарху Кириллу.
- Поздравление от ректора НИЯУ «МИФИ».

над самим собой. Эта способность, это желание, это стремление победить себя является самым мощным движущим фактором в развитии человеческой цивилизации. Я очень хорошо знаю путешественника Конюхова: когда-то он учился у меня в семинарии, но был непоседой и семинарию оставил. Мы даже не очень сокрушались по этому поводу: он остался человеком глубоко верующим. И вот он совершает невероятные чудеса — один отправляется вокруг Антарктиды на яхте, пересекает на лодке океан, взбирается в одиночку на Эверест; и некоторые поражаются и говорят: «Как это возможно?» А если спросить Конюхова: «Зачем ты это делаешь?», он, навер-

ное, до конца и не ответит. Обычно он говорит: «Хочу быть один; хочу наслаждаться одиночеством; хочу увидеть Бога». Но ведь это не ответ или это частичный ответ. Для того чтобы окунуться в одиночество, необязательно отправляться вокруг Антарктиды на яхте. Здесь наверняка внутренняя потребность победить самого себя.

Люди очень различны: у каждого свой потолок, у каждого свой уровень, но самое важное, чтобы мы пытались преодолеть этот уровень, поднять планку. Если мы перестаем это делать, останавливаемся все, в том числе и технический, и научный прогресс, и вообще развитие человеческого рода. Животные стремятся избежать

опасности, насытиться и продолжить свой род — вот их главный стимул. У человека же, как мы только что сказали, совершенно другие стимулы. Я бы хотел процитировать замечательного ученого, кстати, священника — Жоржа Леметра, основателя теории расширяющейся Вселенной. Он так замечательно сказал на эту тему: «**Высочайшее из дел человеческих — поиск истины. Это то, что отличает нас от животных, и уникальная человеческая особенность — познавать истину во всех ее формах, когда человек через подвиг, через внутреннюю аскезу, через самоограничение, через огромные волевые усилия, преодолевая самого себя, открывает мир.**»

ПРИЗВАН СТРЕМИТЬСЯ К ИСТИНЕ

• **Речь Патриарха.**
 • **Вручение орденов Святого Благоверного князя Даниила Московского с грамотами за труды по созданию Домового храма — ректору НИЯУ «МИФИ» М.Н. Стриханову и советнику ректора Н.С. Погожину.**

• **Обмен подарками: от МИФИ — Святейшему Патриарху, от Святейшего Патриарха — МИФИ.**
 • **Мужской хор МИФИ в честь Патриарха поет «Господь просвещение мое...»**

Фоторепортаж Артема Левченко.

Другая черта окружающего нас мира, помимо красоты и гармонии, — это удивительная упорядоченность мироздания. Как я уже сказал, наш разум потому и способен познавать мир, что есть порядок. Ведь если есть порядок — есть законы; если есть законы, есть возможность изучать мир. Эта гармоничность бытия для меня и является самым сильным доказательством бытия Божия — саморазвивающаяся материя, которая формирует мироздание по удивительным законам бытия. И «на выходе», как вы, инженеры, говорите, мы имеем поразительный, захватывающе гармоничный мир. И при всем этом Вселенная оказывается непостижимой, бесконечной. Замечательно об этом сказал

Эйнштейн: «Самое непостижимое во Вселенной — ее постижимость». Непостижимая Вселенная и одновременно постижимая, когда мы обращаем свой интеллект на изучение законов Вселенной, тех или иных явлений.

Наука существует благодаря тому, что Вселенная упорядочена, в ней существуют законы и эти законы выражены на языке математики. Между нашим разумом и устройством Вселенной есть удивительное соответствие: благодаря нашей способности к рациональному мышлению мы открываем глубокую рациональность мироздания. И снова хотелось бы процитировать Эйнштейна. Он говорил: «Наука может быть создана толь-

ко теми, кто насквозь пропитан стремлением к истине и пониманию. Но источник этого чувства берет начало из области религии. Оттуда же — вера в возможность того, что правила этого мира рациональны, то есть постижимы для разума. Я не могу представить настоящего ученого без крепкой веры в это. Образно ситуацию можно описать так: наука без религии — хрома, а религия без науки — слепая». Мы знаем, что ученый не был христианином, не был человеком церковным, но он был человеком, носящим в себе религиозную веру.

Когда мы, верующие и неверующие, говорим, что Вселенная прекрасна — что это означает? Отражает ли

наш опыт красоты некую реальность, которая существует в мироздании до нас и которую мы с благоговением и благодарностью осознаем? Или красота — это только иллюзия, чисто субъективное переживание, которому ничто не соответствует за пределами нашего сознания?

Есть два взгляда на Вселенную. Один из них полагает, что Вселенная возникла случайно: в ней нет ни цели, ни смысла, ни замысла, что за ней не стоит никакого Разума, никакого личного творческого начала. В таком случае весь наш опыт красоты — не более чем наши субъективные переживания и оценки. Все внутри нас — это наши игрушки, наши фантазии; объективно никакой красоты не существует. Правильны ли эти оценки? В рамках последовательно материалистической картины мира это бессмысленный вопрос, как, наверное, бессмысленно, в каком-то смысле, и само мироздание. Бессмысленно спрашивать: «Правильно ли вы понимаете текст?», если это и не текст вовсе, а случайное нагромождение линий. Бессмысленно задавать вопрос: «Смогли бы вы по достоинству оценить красоту звездного неба?», если в звездах нет никакой красоты, которую вы могли бы оценить. Наш опыт красоты и гармонии мироздания в таком случае оказывается иллюзорным, он не отражает ничего в реальном мире. Такой подход к мирозданию также ничего не может сказать о происхождении того порядка и той рациональности во Вселенной, которую исследует наука. Почему мир упорядочен? Кто установил законы природы? В рамках мировоззрения, отвергающего Создателя, ответов на эти вопросы нет.

Другой взгляд на Вселенную видит в ней творение Художника и Строителя. Вселенная поистине прекрасна, и прекрасна объективно; исполнена смысла, как великая картина или симфония. Она упорядочена благой и созидательной волей Творца. Это не наша фантазия, это не плод нашего воспитания, это не наш культурный критерий гармонии, а это объективная красота, которая формирует наши внутренние критерии. И ученый — это тот, кто исследует великие дела Божии. Тот же священник Жорж Леметр в одной из своих научных работ выражает благодарность Тому, «Кто дал нам разум, чтобы понимать Его и видеть ответ Его славы в нашей Вселенной, которую Он создал в такой удивительной гармонии с той способностью к познанию, которой Он наделил нас».

Как христианин и священнослужитель я привержен второму взгляду. Вселенная вызвана к бытию разумным и личностным Богом, замысел Которого отражается и в рациональной упорядоченности законов мироздания, и в его поразительной красоте. При этом люди, которые не разделяют этой точки зрения, для меня партнеры в диалоге, и различные взгляды на происхождение мира, на бытие Бога никоим образом не должны быть причиной противостояния, взаимного глумления, борьбы — всего того, через что прошли наши наука и Церковь на протяжении трагической истории XX века.

Из сказанного следуют очень важные выводы, касающиеся нравственного долга ученого. Ученый, как и всякий человек, призван стремиться к истине, научной истине. Но ведь не только к ней. Существуют истины еще более глубокие — это истины нравственные, истины о наших целях, предназначении и ответственности. Естественные науки исследуют законы природы, но в нас самих мы находим еще один закон — нравственный (вспомним Канта). Этот закон не кодифицирован, но мы можем, слушая свою совесть, понять, когда мы исполняем его, а когда нарушаем. Этот закон имеет тот же источник, что и законы мироздания — созидательную волю Бога. Но в отличие от материи, которая всегда повинует установленным для нее законам, мы, люди, наделены сво-

бодным выбором. Мы сами решаем, повиноваться нравственному закону или нет. И наше временное и вечное счастье, и будущее нашей страны, и будущее нашей науки зависят от того, захотим мы следовать этому нравственному закону или нет.

Совершенно очевидно, что одним из самых фундаментальных кризисов переживаемого нами времени является кризис личности, кризис нравственного начала. Сегодня, может быть, люди грешат не больше, чем они грешили в прошлом. Никто никогда не взвешивал греховность эпохи, ведь грех пребывает так глубоко внутри человека, что ни под каким микроскопом не разглядишь. Почему же мы говорим о нравственном кризисе эпохи? Дело в том, что никогда в прошлом человечество рационально не объясняло и не оправдывало грех — не в том смысле, что какое-то одно греховное деяние оправдывается и объясняется с позиций того или иного мировоззрения, а в том смысле, что само понятие греха, то есть зла, сегодня принципиально, идеологически, философски поставляется на один уровень с правдой, истиной, святостью. Человечество, отталкиваясь от неправильно понимаемого принципа свободы личности, сегодня заявляет о том, что именно человек является автономной от любых ценностей системой; сам человек устанавливает критерии добра и зла.

А если сам человек устанавливает критерии добра и зла, то стало быть, нет различия между добром и злом. Ведь то, что для одного человека является вопиющим, страшным и преступным, для другого — обычная сексуальная практика. То, что одному кажется опасным и разлагающим общественное сознание, для другого — разумный способ ведения бизнеса. Государственные законы пытаются как-то регламентировать происходящее, но они работают в эмпирическом социуме и не достигают глубины, а именно на глубине происходит сегодня стирание грани между добром и злом. А отсюда, из глубины, это стирание грани переходит и в законодательную практику, и мы видим, какие законы сегодня принимаются в Западной Европе: законодательно закрепляется отказ людей от того, чтобы признавать высший критерий в определении добра и зла, в том числе в том виде, как он представлен в нравственной традиции народов. Я думаю, что явление, о котором мы сейчас говорим, является самым опасным. Если задуматься о будущем, то, наверное, род человеческий пресечется и история завершится тогда, когда будет полностью потеряно различие между добром и злом.

Будучи ребенком, я спрашивал своего отца об Антихристе. Говорил: «Когда Антихрист придет, он получит поддержку во всем мире, все его примут. Но ведь Антихрист от дьявола, Антихрист — зло. Как же могут люди поддержать зло?! Как могут люди проголосовать за убийства, за растление малолетних?! Невозможно!» Тогда отец сказал мне простую вещь: «Я не знаю, как это будет и как род человеческий до этого дойдет, но если Антихрист явится, то именно потому, что люди перестанут отличать добро от зла». Это было сказано почти 60 лет назад. А сегодня мы можем утверждать, что сама философия общественного развития предполагает не ясное отделение добра от зла, не общественное согласие вокруг непререкаемых фундаментальных нравственных ценностей человеческой жизни, а плюрализм мнений, в том числе в нравственной сфере.

Завершая свои слова, я бы хотел сказать: пусть ваша учеба, ваши научные труды, вся ваша жизнь будут проникнуты благороднейшим из человеческих стремлений — стремлением к истине во всех ее проявлениях: к истине научной, истине мировоззренческой, истине нравственной.

Благодарю вас за внимание.